Опочецкий краевед

Издание краеведческого клуба «Отчий дом» при Опочецком краеведческом музее

№ 12 **Декабрь** **2020**

Культурное и природное наследие

Гора Святого Духа: что день грядущий ей готовит?

Несколько лет назад местные работники культуры получили свыше приказ: не щадя живота своего развивать туризм. Изыскивать объекты, собирать о них легенды, а буде таковых не сыщется, сочинять новые.

В начале сентября 2020 г. в Опочецкий район приезжали паломники и туристы из Пскова (тур организовала псковская церковь Василия-на-Горке). В программе поездки были два отнюдь не новых основных объекта – Духова гора (д. Кирово) и церковь Воскресения Словущего в Теребенях (XVIII в.).

А ведь, собственно, только они, эти гора и церковь, и представляют интерес для широкой публики. Больше ничего реального, что можно осмотреть и потрогать, как говорится, руками, нет. Прочее – только фотографии в старых книгах и рассказы экскурсоводов. Или нет, еще имеются руины помещичьих домов – в Крулихине, Кротове, Соколове, Пашкине; и несколько не разоренных до конца церквей – в дд. Камено, Глубокое, Матюшкино…

О судьбе теребенской церкви тревожиться пока нет причин. Она даже недавно была отреставрирована; сейчас рядом с ней построено что-то вроде гостевого дома или трапезной.

А вот будущее Духовой горы как объекта турбизнеса теперь под вопросом. Потому что в километре от неё, в Люцкове, Великолукским мясокомбинатом уже воздвигнута мегасвиноферма на 50 тыс. свиней.

Как хорошо известно, чудовищный смрад от подобных огромных предприятий промышленного свиноводства ощущается на расстоянии в десятки километров. А потому на Духовой горе будет теперь царить вовсе не Святой Дух, а дух несколько иного плана, основными составляющими которого являются сероводород, аммиак, метилмеркаптан и прочие далеко не безвредные вещества.

Так что, видимо, очень скоро поток желающих помыть полы в часовне на Духовой горе и помолиться о здравии и благополучии на чудотворном камне на её склоне иссякнет.

***НА СНИМКАХ:** часовня на Духовой горе, построенная в 2009 г. (28 декабря 2015); церковь Воскресения Словущего (XVIII в.) в Теребенях (30 января 2005)*

В этом выпуске:

К проблеме изучения и сохранения исторических гидронимов на территории Опочецкого района 2
К истории сельца Святотечь 4
Старообрядцы Псковской губернии в 1825–1855 гг. 6
Из дневника. Окончание школы. Ленинград Поступление в техникум. Смерть младшего брата.....8
Чистые воды детства 10
«Опочка в зеркалах легенд» 11
Аномально окрашенные утки-кряквы Гончарных прудов 12
Трюфели – не трюфели. Нечеловеческий деликатес 12

Материалы краеведческих чтений

К проблеме изучения и сохранения исторических гидронимов на территории Опочецкого района

Общеизвестно, что древние и старинные топонимы и гидронимы в любой местности являются такими же памятниками истории и культуры, как и материальные объекты. Исторические названия несут в себе ценную информацию относительно прошлого данной территории, в частности, могут давать более или менее достоверные сведения об этническом составе местного населения в прошлые века.

Будучи частью исторического наследия края, топонимы и гидронимы заслуживают уважительного и бережного отношения к себе со стороны ныне живущих. Но если с топонимами на территории Опочецкого района (здесь имеются в виду наименования деревень, а не названия улиц в районном центре) дело обстоит пока относительно благополучно, то процессы, происходящие тут в настоящее время, ведут к утрате древних и старинных гидронимов.

Например, целый ряд озер теперь называется местными жителями не старинными именами, а по близлежащим более или менее обитаемым населенным пунктам.

Озеро Войское более известно в Опочке как Масловское (в 1980-е гг. его обычно именовали Самулинским). Оно находится на Войских горах, неподалеку от частично сохранившегося Екатерининского тракта, по которому в XVIII в. и начале XIX в. ездили из Санкт-Петербурга в Полоцк.

Озеро Тобольно называют Гарусовским, озеро Кутсо (Гутсо) – Бабининским. Возможно, последнее озеро на самом деле именовалось ранее не Кутсо (с ударением на втором слоге), а Кудцо – т.е. маленькое Кудо. На эту мысль наталкивает факт, что не так далеко от вышеупомянутого водоёма расположено озеро Кудо (второе название – Полёхновское), большее по размеру, но несколько похожее на него по форме (если судить по картам).

Однако на военно-топографической карте 1860-х гг. озеро Кутсо обозначено как озеро Кручцо. Изменилось название за прошедшие годы или топографы в XIX в. неточно зафиксировали гидроним – теперь, видимо, не установить.

Из озера Кудо (Полёхновского), находящегося неподалеку от трассы Санкт-Петербург – Киев, вытекает речка Кудебка.

Озеро Коложе жители Опочецкого района чаще называют Рясинским.

Есть другое название и у второго озера Кудо, где находится исток речки Кудки, – Воскресенское (некогда там был Воскресенский погост, стояла церковь; кладбище еще частично сохранилось). По этой причине гидроним Воскресенское тоже можно отнести к историческим.

Возможно, для местных жителей называть озера по близлежащим деревням удобнее и понятнее. Однако, помимо бытовых соображений, есть и иные, как представляется, более высокого плана.

Взять гидроним Кудо. Считается, что он финно-угорского происхождения; по мнению некоторых исследователей, его финская основа – ***kuoto, kuodon*** – означает «тина, грязь, вязкий ил». Исходя из этих соображений, название озера Кудо можно перевести на русский как, скажем, Илистое. И этот гидроним (а также однокоренные названия речек Кудка и Кудебка) – напоминание о тех временах, когда на современной территории Опочецкого района жили финно-угорские племена.

Историческим является название упомянутого выше озера Войское на Войских горах. Достоверно, что данный топоним (и гидроним, как представляется, соответственно) был известен в начале XIX в.

Войская гора (Войские горы) упоминается в дневнике опочецкого мещанина Ивана Игнатьевича Лапина, современника Пушкина. Автор дневника сообщает, что 21 декабря 1818 г. через Опочку проезжал император Александр I. «<…> доколе уехал на Войскую гору – всё трезвонили».

Представляет интерес старинное название озера Тобольно (Гарусовского). Давние обитатели деревни Гарусово дали этому небольшому водоёму имя, видимо, из-за его своеобразных очертаний. «Тоболка», «тоболец», согласно словарю В.И. Даля, – сумка, мешок. Форма озера – оно длинное, узкое и изогнутое – действительно напоминает нечто подобное, некое вместилище.

Озеро Ямное, как именуют его опочане, находящееся в пяти километрах от Опочки, на картах до настоящего времени называется просто Ям. По утверждению некоторых опочецких старожилов, этот водоём – искусственного происхождения, он якобы возник на месте бывших торфоразработок. Имеет ли эта легенда под собой реальный факт, сказать трудно. На упомянутой военно-топографической карте XIX века озеро Ям уже указано.

Возле опочецкого озера Велье (не так уж и далеко от этих мест лежит Велье пушкиногорское), между деревнями Полеи и Заноги, есть еще одно небольшое озерко. Его названия на современных картах автору данной работы обнаружить не удалось. Но в рукописи опочецкого краеведа Александра Ивановича Белинского (работал в Опочке на протяжении 1920-х гг.) имя этого водоёма названо – Мутишино, или Мутицы (на военно-топографической карте 1860-х гг. – Мытишино). Не исключено, что современные обитатели окрестностей Велья его не знают. А Белинский, между прочим, рассказывает довольно интересное предание о происхождении этого из вариантов этого гидронима.

«Здесь некогда жили братья-великаны. Однажды они повздорили между собой, встали на противоположные берега озера и начали метать друг в друга молоты. Один раз молот не долетел до цели, упал в озеро и замутил воду. Великан, не добросивший молота, рассвирепел и крикнул: «Мутись

же ты всё время!» С тех пор вода в озере всегда мутная. Поэтому и стал называться этот водоём Мутишино, или Мутицы...».

Изучение карт, в том числе и старинных, показывает, что названия рек Опочецкого района часто связаны с наименованиями озер, откуда эти реки вытекают. Выше уже говорилось, что из озера Кудо (Полёхновское) вытекает речка Кудебка, из озера Кудо (Воскресенское) – Кудка. Возле озерка Тобольно протекает речушка Тоболенка (на одной из современных карт – Табаленка); озеро Чёрное соединено протокой с правым притоком Великой – речкой Черницей.

Думается, что когда-то Черница считалась вытекающей из озера Черного. Но теперь в качестве её истока указывается Крушинное. А ведь на одной из старых карт автору встретилось иное название речки, берущей начало в Крушинном и затем сливающейся с Черницей, а именно – Крушинница. Упомянут этот гидроним и в труде Л.И. Софийского.

Из озера Коложе вытекала (возможно, вытекает и сейчас) речка Коложа; из озера Нивно – Нивница.

Некоторые небольшие речки Опочецкого района, к своему несчастью, пересекают крупные дороги, на которых в последние годы ведутся масштабные строительные работы. И в итоге теряют свои исторические имена.

Чтобы в этом убедиться, достаточно проехать по трассе Опочка – Невель. Примерно в километре от деревни Маврино (по направлению к Пустошке) протекает речка Волошница, связывающая озерко Волошно и озеро Крушинное. Но теперь надпись на указателе возле этой речки сообщает, что она называется… Мавринская.

Надо ли говорить, что реки, в отличие от озер, практически никогда не назывались по наименованиям населенных пунктов? Хотя бы из тех соображений, что одна и та же речка может протекать через несколько деревень и городов.

В качестве дополнения к вопросу о Волошнице можно сказать, что на военно-топографической карте 1860-х гг. и некоторых более современных речка, впадающая в озерко Волошно с юго-востока, называется Волошна. В некоторых справочниках Волошной считается вся водная артерия – от истока до устья, то есть Волошна, по мнению их составителей, протекает через озеро Волошно и впадает в Крушинное.

Тем не менее налицо бытование в недавнем прошлом целого куста однокоренных гидронимов: озеро Волошно, речки Волошна и Волошница.

Не миновали новшества и деревню Зуйково. Здесь ранее безымянную речушку, вернее, ручей (не исключено также, что это просто мелиоративная канава), дорожники назвали совершенно неприемлемым, дико звучащим именем «р. Зуйково».

Непременно следует оговориться: даже в Псковской области всё-таки есть прецеденты, когда имя реки или ручья связано с именем близлежащего населенного пункта. Пример: через деревню Карпово возле города Острова течет ручей Карповка. Но никак не «р. Карпово»! Так что зуйковскому ручью можно было бы присвоить не очень благозвучное имя Зуйковка.

Опрос местных жителей, хорошо знающих окрестности Зуйкова, проведенный автором данной статьи, показал, что собственного старинного имени у этого ручья или не было совсем, или же оно оказалось со временем забыто. Но, согласно собранным автором устным сведениям, этот ручей связан с озерком Самино, или Жабино. И, поскольку на современной территории Опочецкого района на протяжении веков существовала традиция называть речку по имени связанного с ней озера, ручью в Зуйкове следовало бы дать имя Саминка (или Жабинка).

Нельзя, однако, умолчать о том, что рядом с деревней Зуйково существует небольшое озерко Зуйково. На военно-топографической карте XIX в. оно указано именно с этим названием (а деревня тогда именовалась Зуйкова). Однако ручей, протекающий через деревню, связан не с ним. Изучение современных карт показало, что местные старожилы правы и зуйковский ручей связан в большей или меньшей степени с водоёмом, известным им под именем Самино, или Жабино. На старинной карте этот водоём указан как озеро Соминское. Так что, видимо, гидроним Соминка (Соминский) был бы в описываемом случае наиболее предпочтительным.

Странная история произошла в деревне Духново, старинном населенном пункте, впервые упомянутом в документах в 1582 г. (возникло селение, естественно, гораздо раньше. И потому надпись на камне-памятнике посреди деревни об основании ее в 1582 г. не соответствует исторической действительности).

Через эту деревню протекает крошечная речушка Черничка. Но и здесь поработали дорожники. Теперь указатель при въезде на деревенский мост сообщает, что в Духнове течет речка… Шесть, являющаяся, как известно, правым притоком Великой.

Поскольку люди в России привыкли верить написанному, то теперь очень трудно убедить их в том, что через Духново протекает отнюдь не сама Шесть, а её левый приток Черничка. А статья в Википедии идет ещё дальше. Там написано, что через Духново протекает целых две реки – Шесть и Черничка. Таким образом, эта ложная информация распространяется теперь по всему миру.

По утверждению пушкиногорского краеведа ***Виктора Григорьевича НИКИФОРОВА***, изучавшего местные топографические карты XVIII столетия, речка Шесть ранее называлась Шат, а Шестью стала позднее, видимо, в результате неверного прочтения написанного курсивом гидронима при копировании карты (в слове «Шатъ» – «а» было прочитано как «ес», а «ъ» как «ь»).

Таким образом, изучение и борьба за сохранение старинных гидронимов, являющихся памятниками истории и культуры Опочецкого района, – немаловажная задача для местных краеведов.

Марина ЯКОВЛЕВА

Исследования

К истории сельца Святотечь

Окончание. Начало в № 11

В середине 1830-х Н.П. Шелгунов входил в состав Комиссии по ревизии действий Псковского дворянского депутатского собрания. На заседании 22 октября 1836 г. он выступил с доказательством о незаконности присвоения дворянского звания братьям своей жены. Речь идет, вероятно о дворянском заседателе Опочецкого уездного суда 1833 г. Василии Клементьевиче и отставном капитане, заседателе того же суда в 1841–1842 гг., Иване Клементьевиче Расихине, имевшего Польский знак военного достоинства 4-й степени. К сожалению, больше сведений о них нет. Объясняя действия Шелгунова, Т.Ю. Мальцева предполагала, что он либо рассорился с Россихиными при разделе наследства недавно умершего Клементия Россихина, либо решил выступить поборником законности и сословной замкнутости. Но, скорее всего, эти претензии можно предъявить и к его предкам: его отец Павел Семенович при увольнении от службы был пожалован чином капитана, а о его службе до увольнения в офицерских чинах «не прописано», а патента коллежского «асессора» «не представлено». Что позже привело к разборкам в Псковском дворянском депутатском собрании.

Известно, что у Шелгуновых было пять сыновей: Павел, Александр, Михаил, Николай, Дмитрий, и дочь Екатерина. Старшие сыновья закончили Полоцкий кадетский корпус: Павел в 1842 г. (из фельдфебелей в специальные классы Дворянского полка), Шелгунов 2-й Александр в 1843 г. (из кадет в специальные классы Дворянского полка), Шелгунов 3-й Михаил в 1846 г. (из кадет в специальные классы Дворянского полка).

Михаил Никанорович Шелгунов – прапорщик 3-го драгунского Новороссийского полка, скоропостижно умер 25 ноября 1858 г. в чине поручика.

Мало известно и о службе Николая Никаноровича Шелгунова. Имеется упоминание лейб-гвардии гренадёрского полка подпоручика Николая Никаноровича Шелгунова 3-го. Дослужился до звания полковника.

Немного лучше известна служба старшего брата Павла Никаноровича Шелгунова. Из Дворянского полка в 1845 г. он выпущен в в лейб-гвардии Гренадерский полк. В 1847 г. произведён в подпоручики, а затем в поручики. В 1848 г. утверждён батальонным адъютантом. В 1850 г. отчислен во фронт полка. В 1854 г. произведён в штабс-капитаны и утверждён в ротным командиром. 1859 г. утверждён членом полкового хозяйственного комитета. В 1860 г. утверждён полковым казначеем и произведён в капитаны. В 1862 г. отчислен во фронт.

В 1862 г. назначен исполняющим делами младшего штаб-офицера и в том же году был произведён в полковники. В 1863 г. утверждён командиром 3-го батальона. В 1863 г. командирован в распоряжение командующего войсками Виленского военного округа.

В 1863 г. Шелгунов возглавил Особую следственную комиссию по политическим делам, которая вела следствие о восстании в 1863 г. на землях бывшего Великого княжества Литовского (территории современных Белоруссии и Литвы). Что касается личностных качеств Павла Никаноровича, то М.В. Шимукенус в своем очерке пишет, что Шелгунов *«отличался интеллигентностью, лояльностью к повстанцам»*. Современник событий 1863 г. Л. Масолов отмечал, что будущий могилевский губернатор *«отличался терпением, устойчивостью в занятиях и проницательностью, детально работал в конце 1863 г. над раскрытием организации»*. Начальник особой канцелярии виленского генерал-губернатора И. Никотин называет Павла Никаноровича *«стойким по своим убеждениям»*. Впрочем, известно, что следствие по делу национального героя Белоруссии Кастуся Калиновского Шелгунов закончил сего за месяц, после чего быстро пошел на повышение.

Приказом от 14.07.1864 г. произведен в генерал-майоры. В 1864 г. назначен исполняющим дела Минского губернатора и в том же году принял обязанности по управлению военного губернатора Минской губернии. В 1864 г. утверждён в должности минского губернатора. Губернатор Могилёвской губернии Российской империи в 1868–1870 гг. Причислен к МВД, в запасе. Награды: Станислава 2-й ст. (1862), Анны 2-й ст. (1863), Станислава 1-й ст. (1866).

О младшем брате Дмитрии Никаноровиче известно из его аттестата в ГАПО: *«Надворный советник Дмитрий Никанорович Шелгунов, бывший городской судья посада Сольцы округа Псковского Окружного Суда, как из формулярного о службе списка его видно, 58 лет от роду, вероисповедания православного, имеет светлобронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг. на Владимирской ленте, имеет родовое имение 3200 десятин земли Псковской губернии, Островского уезда и Опочецкого, в общем владении с двумя братьями; благоприобретённого и за женою имения не имеет. По окончании курса наук в Лесном и межевом институте, в службу вступил прапорщиком корпуса лесничих 1853 г. июня 8. Женат на дочери поручика девице Амалии Фёдоровне Гаусман. Имеет детей: дочерей: Надежду, родившуюся 14 декабря 1863 г., Александру, родившуюся 28 ноября 1865 г., Марию, родившуюся 29 декабря 1868 г., Евгению, родившуюся 27 декабря 1870 г., Анну, родившуюся 7 ноября 1873 г., Веру, родившуюся 20 июля 1875 г., Екатерину, родившуюся 24 июля 1877 г., и Бориса, родившегося 16 августа 1882 г. В удостоверение чего и выдан сей аттестат от Псковского Окружного суда. Означенный в сём аттестате Надворный Советник Шелгунов указом Правительствующего Сената от 11 февраля 1891 г. за № 24 произведён за выслугу лет в Статские Советники со старшинством с 4 Апреля 1879 г.»*.

Именно потомство Дмитрия Никаноровича имело отношение к пушкинским местам Псковщины. Сам Дмитрий Шелгунов проживал в имении Дериглазово, его дочь Евгения Дмитриевна Шелгунова в 1893 г. вышла замуж за Александра Иосифовича

Княжевича и в 1895 г. стала матерью С.А. Княжевича, владельца ганнибаловского села Петровского, а её сестра Вера, в замужестве Лачинова, оставила интересные воспоминания о Дериглазове и Петровском, опубликованных в Париже в 1937 г., где кроме прочего она расказывает о сожжении в 1918 г. Петровского, Тригорского, Михайловского и др. Усадьба Петровское восстанавливалось по фотографиям другого зятя Дмитрия Никаноровича, Александра Константиновича Красусского, мужа старшей дочери Александры. Много в его коллекции и фотографий имения Дериглазово.

Шелгуновы принимали активное участие в общественной жизни Опочецкого уезда. Генерал-майор Павел Никанорович – в 1870–1875, 1880–1883 гг. почетный мировой судья Опочецкого уезда, Николай Никанорович – почетный мировой судья в 1883, 1886–1889 гг., Дмитрий Никанорович – гласный уездного земского собрания в 1869–1870, 1875–1881 гг., участковый мировой судья 3-го участка (камера в с. Дериглазово) в 1874–1874, 1886–1889 гг., член уездной земской управы в 1877–1879 гг., почетный мировой судья в 1880–1883, 1891–1985 гг.

Земли Шелгуновых расширялись. В 30-50-х гг. XIX в. во владения Надежды Клементьевны отмежованы деревня, Бахирева, Григорьева, Поддубная, Собольцова, пустоши Ермошкина 1 участок и Лежневой что прежде была 3-й участок пустоши Погореловой; во владения Никанора Павловича – деревня часть Полехнова, пустоши Горохова 2 часть, Кушкова Веинка тож 1 часть, Ширяева.

Во владение временно-обязанным крестьянам после 1863 г. из земель помещицы Надежды Шелгуновой поступили земли деревень Опочецкого уезда Заворово, Векселевки, Вильневки, Габаны, Горелый мост, Дагоны, Ломки, Пушулемцы, Растворы, Рощина, Ситникова, Калуженка, Сидорова и др.

Перед освобождением крестьян 1863 г. Надежда Клементьевна Шелгунова владела в Опочецком уезде сельцом Колошино с 6 деревнями и сельцом Укропово с 8 пустошами – 235 крепостных душ крестьян мужского пола и 2 дворовых мужского пола, 43 двора, 68 оброчных тягол, 55 издельных. Земли усадебной 25 десятин, в пользовании крестьян – пахотной 540 десятин, сенокосу 295 десятин, всего 860 десятин, не стоящей в пользовании крестьян – 5435 десятины, в том числе кустарнику и лесу 5125 десятин. Величины денежного оброку с тягла 30 руб.

В 1864 г. в с. Укропове в 1 км от Опочки расположена квартира судебного следователя 1-го участка титулярного советника Дмитрия Григорьевича Богоявленского. На 1907 г. в Укропове земский начальник 4-го участка коллежский секретарь Никитин Владимир Петрович.

Сыновьям было выделено сельцо Дериглазово с 15 пустошами, 3 селениями и 10 деревнями – 142 крепостных душ крестьян мужского пола и 13 дворовых мужского пола, 24 двора, 4 оброчных тягол и 68 издельных. Земли усадебной 15 десятин, в пользовании крестьян – пахотной 325 десятин, сенокосу 165 десятин, всего 505 десятин, не стоящей в пользовании крестьян – 1836,45 десятины, в том числе кустарнику и лесу 1340 десятин. Величины денежного оброку с тягла 30 руб.

За Ек. Ник. Менделеевой числилось сельцо Святотечь с 9 деревнями и 4 пустошами – 105 крепостных душ крестьян мужского пола и 7 дворовых мужского пола, 20 двора, 9 оброчных тягол и 46 издельных. Земли усадебной 15 десятин, в пользовании крестьян – пахотной 250 десятин, сенокосу 120 десятин, всего 385 десятин, не стоящей в пользовании крестьян – 1225,63 десятины, в том числе кустарнику и лесу 1055 десятин. Величины денежного оброку с тягла 30 руб.

Под именем Ек. Ник. Менделеевой, вероятно, скрывается дочь Никанора Павловича и Надежды Клементьевны – Екатерина Никаноровна, о которой известно, что она была замужем за гвардии капитаном Травиным. Скорее всего, брак с Травиным был вторым. В родословной книге есть *«Дело о внесении в шестую часть дворянской родословной книги к роду Шелгуновых жены гвардии капитана Екатерины Травиной. Начато 22 февраля 1868»*. Есть и свидетельство, заверенное подписями вдовы Надежды Клементьевны и сына Александра, о том, что Екатерина Травина принадлежит их роду.

В 1869–1872 – в Святотечи место расположения мирового посредника – отставного капитана Николая Травина.

Капитан гвардии Николай Петрович Травин был предводителем дворянства Опочецкого уезда в 1895–1898 гг. Занимал и другие должности.

В 1913–1914 Николай Петрович Травин значится владельцем п. Брянцев Остров, Покровской вол., удобной 111 дес., в аренде. Деревня Брянцев Остров отмежевана капитанше Екатерине Никаноровне Травиной в 1867 г.

На 1903–1906 гг. сельцо Святотечь Петровской волости с 508 десятинами земли числится за Екатериной Николаевной Краинской, вероятно, дочерью Николая Петровича Травина. Там же проживал председатель ликвидационной комиссии Гребеневского сберегательного общества титулярный советник Владимир Васильевич Краинский.

Владимир Васильевич Краинский происходил из замечательной семьи Василия Евграфовича Краинского, крупного ученого агронома. Василий Евграфович разработал единую для всей Российской Империи программу обучения в низших сельскохозяйственных школах, утвержденную Министерством государственных имуществ и действовавшую с дополнениями до 1917 г. По его инициативе в 1880 г. в имении Ребиндеров – селе Шебекино Белгородского уезда Курской губернии была учреждена Марьинская сельскохозяйственная школа для рабочих на 120 человек. Его сын Николай Васильевич (1869–1951) – ученый-психиатр с мировым именем; Сергей Васильевич (1876–1936) – выдающийся ученый агроном, садовод, с 1923 г. ректор Крымского института специальных культур; Андрей Васильевич (1877–1914) – микробиолог, открыл антибиотик стрептомицин (1914), и т.д.

Другая дочь Травиных, Ольга Николаевна, замужем за полковником Константином Михайловичем Лялиным (р. 1864), офицером-воспитателем Псковского кадетского корпуса. Проживала в сельце Пятницыно Опочецкого уезда. Вероятно, имеется еще дочь Лидия, в замужестве Лазарева.

В 1907 г. в Святотечи располагалась камера и.д. судебного следователя 2-го уч. Опочецкого уезда титулярного советника Александра Александровича Иванова.

В 1911–1915 гг. в сельце проживал земский начальник 4 участка губернский секретарь Михаил Викторович Сокольский.

Андрей НЕСТЕРОВ

История религии

Старообрядцы Псковской губернии в 1825–1855 гг.

Продолжение. Начало в № 11

От раскольников требовали приносить клятву в православных храмах в случае, если они хотели занять какие-либо должности (1836), в купеческих и мещанских обществах руководство должно было следить, чтобы на должностях «градских» глав были обязательно православные и единоверцы (1835).

И в то же время правительство приняло ряд актов, благоприятных для старообрядцев. Указы 1827 и 1834 гг., например, запрещали обыски в домашних моленных комнатах и их закрытие, конфискацию у старообрядцев икон и книг, что, однако, не меняло общего курса в отношении раскольников: правительство Николая I ставило задачей полное искоренение раскола в стране. При этом оно не делало различий между старообрядчеством и сектантством.

В 1835 г. все противостоящие официальной церкви религиозные общины были разделены на:

1. «Секты вреднейшие», к которым наряду с сектами относились крайние направления беспоповства, отвергавшие брак и молитву за царя: иудействующие, молокане, духоборцы, хлысты, скопцы и др.

2. «Секты вредные» – из беспоповщины.

3.«Секты менее вредные» – поповцы.

Указанное разделение стало основой государственной политики, подтвержденной в 1842 г. Ею руководствовалось Министерство внутренних дел и в борьбе с раскольниками.

Псковская земля со времени раскола в XVII в. являлась одним из очагов распространения староверия, которое в начале XIX в. было представлено несколькими толками. В архивных документах почти не встречается упоминаний о существовании здесь беспоповства, зато часто содержатся сведения о «сектах вредных» – беспоповцах, практиковавших брак и молитву за царя, а также сектах «менее вредных» – поповцах. Постоянно фигурирует федосеевский толк, как течение в беспоповщине, социальную базу которого составляли народные низы, главным образом беглые крестьяне, и поморский толк – умеренное течение в беспоповщине с социальной основой в виде зажиточных слоев населения.

Сторонники поповского толка в обрядовом и бытовом плане являлись наиболее консервативными: принимая священников, они могли осуществлять все таинства, в то время как беспоповцы таинства евхаристии и брака осуществлять не могли.

Невозможность совершения брака было самым слабым звеном учения беспоповцев. Приверженцы поморского согласия выступали за совершение браков в православии, а затем перекрещивание новобрачных в «истинную веру».

Важнейшими источниками, позволяющими определить количество старообрядцев на территории Псковской губернии, являются их поименные списки с указанием пола, возраста, сословной принадлежности, места проживания, и даже обрядов толка, которых они придерживались. После 1830 г. поименные списки уступили место сводным ведомостям, в которых содержатся данные только о количестве старообрядцев в уездах.

Хорошо прослеживается динамика численности старообрядцев в губернии на примере «Ведомости о старообрядцах-раскольниках, их церквях и часовнях за 1836 год» (на 70 листах), где городничие и исправники в своих рапортах приводили сведения в разрезе уездов.

Холмский городничий Наперстков, например, 16 ноября 1835 г. сообщал, что «старообрядцев, раскольников разных сословий, скитов и сект, равномерно принадлежащих им церквей, часовен, монастырей в г. Холм не находится». В Торопецком же уезде, как следует из рапорта земского исправника Поповцева, числилось старообрядцев: экономических крестьян мужского сословия – 9, женского – 15, помещичьих крестьян мужского сословия – 154, женского – 159. Уездный исправник Порховского уезда рапортовал, что «духоборцев, малаканов, иконоборцев, не принимающих священства и не поклоняющихся иконам, субботников, или жидов, принимающих вместо крещения обрезание, и скопцов в Порховском уезде не находится». В то же время, в посаде Сольцы Порховского уезда имелась наиболее крупная в губернии старообрядческая община. В Новоржевском уезде числилось старообрядцев (в основном помещичьих крестьян): 419 чел. мужского пола и 429 женского, в городе Пскове – 200 (женская часть) разных сословий, мужская часть – 157 (разных сословий); «в Пскове не имеется вообще духоборцев и иконоборцев, не приемлющих священства и не поклоняющихся иконам, более того, скопцов тоже не имеется, и раскольничьих церквей и часовен, монастырей и скитов также не имеется, а находится две часовни, старообрядческому обществу принадлежащих». Имелись в этом деле также сведения о г. Печоры, Великолукском, Опочецком и др. уездах, и как правило, всюду старообрядцев было немного.

Встречаются в документах и сведения об отдельных семьях старообрядцев, например, секретное «дело о раскольнической купеческой семье Королевых», содержание которого составляет просьба купеческой вдовы посада Сольцы Порховского уезда Прасковьи Королевой к псковскому гражданскому губернатору Ф.Ф. Бар-

толомею о публичности погребения по раскольническому обряду ее сына Алексея Филиппова. Королева утверждала, что «около 40 лет семейство ее отчислено от православия к обществу старообрядцев по просьбе свекра ее Антона Андронова Королева, и документы, подтверждающие этот факт, должны находиться как у местного солецкого, так и у губернского начальства, но она не может свободно исповедовать обряды своей веры и с семейством подвергалась преследованию». Далее она писала, что «ни покойный муж ее, ни дети никогда не принадлежали к православию, а что всегда следовали обрядам старообрядчества, и это могут подтвердить все жители посада Сольцы», а поэтому просила похоронить ее сына по раскольническому обряду, приведя в доказательство выписки из метрических книг и росписей, ведомость о числе семейства и др.

Если мещанам и купцам в принципе не возбранялось совершать свои обряды, то крестьяне за обращение своих детей в старую веру могли привлекаться к судебной ответственности, – опять же в стремлении уменьшить численность раскольников, превратить их в православных или обратить в единоверие. Показательным в этом отношении является «Дело об отдаче крестьянином государственных имуществ деревни Тагорина Опочецкого уезда раскольнической дочери своей, присоединившейся к православию, насильно замуж». Власть больше всего возмутила именно попытка обращения в раскол православной крестьянки, поэтому «дело» получило звучание – «о противозаконных поступках крестьянина Семена Петрова». Следствие по нему началось по донесению священника Василия Полянского в Опочецком Успенском суде, при этом особенно подчеркивалось, что дочь Семена Петрова «отказывалась от замужества, т. к. она православной веры, но отец насильно заставил ее» – отдал в деревню Лопатиху за крестьянина Егора Лаврентьева. Девушка просила защиты от раскольников и неоднократно, при любой возможности сбегала от мужа, отец же настаивал на том, что «она сама изъявила свое согласие, а бракосочетания не было». В деле постоянно присутствует фраза – «обратить внимание на дерзость раскольников и представить винновых суду», поэтому оно было передано в уездный суд. Солидарной была позиция и губернской власти: «На это дело нужно обратить особое внимание, т.к. прослеживается своеволие раскольников», «раскольников, виновных в дерзости, предать всей строгости суда, и нужно выявить причины отпадения из православия в раскол крестьян государственных имуществ Велейского приказа». Расследование велось и в Псковской духовной консистории, а в целом следствие продолжалось в течение двух лет – с апреля 1839 по июнь 1841 г.

Раздражение властей вызывали и случаи крещения детей по раскольничьему обряду. С сентября 1835 по март 1839 г. длилось, например, расследование «Дела о крещении раскольническими наставниками детей Солецких мещан Рубцова и Рядова». Полицмейстер посада доложил губернатору, что раскольническими наставниками были крещены дети мещан, – несмотря на то, что родители их венчаны

в православной церкви, а дети их тоже воспитывались в православии.

Расследование было поручено Солецкой ратуше, и та обнаружила, что раскольнические наставники «совратили не только Рубцова, Савостьянова и Рядова, но и солецкого мещанина Лисина в раскол и совершили обряд погребения ими мещанской жены Леонтьевой». Лисин в ответ сообщил, что «он и его сын православной веры, а жена раскольнической секты, и в церковь никогда не ходила, а ходила в моленную», но ратуша нашла новые факты: наставники Юшков и Новиков «способствуют утверждению раскола» – они, оказывается, «совратили» и мещанских жен – Афанасьеву и Афонтьеву, а некий крестьянин Яковлев держал раскольническую моленную, где находились дети мещан. Но прибывшая полиция в моленной никого не обнаружила, поэтому ратуша ничего больше сообщить не смогла.

Старообрядцы могли использовать только молитвенные дома, организованные до 1826 г.; строить новые, исправлять старые и обращать в публичные молельни крестьянские избы им строго запрещалось. Запрещено было им и называть молельни церквями, как и устанавливать на них кресты, вешать колокола и производить колокольный звон. Ветхие часовни, как теперь официально назывались раскольничьи молельни, велено было закрывать с целью их окончательного уничтожения. Если «запечатанная» часовня открывалась самовольно и в ней проводились раскольничьи собрания, то после вторичного противозаконного действия она подлежала уничтожению.

После учреждения особого секретного комитета в 1853 г. Министерству внутренних дел было предоставлено право уничтожать скиты и кладбища раскольников.

Еще до создания этого комитета, в 1835–1836 гг., рассматривалось «Дело о выстроенной на кладбище часовне в посаде Сольцы Порховского уезда солецкими раскольниками». Губернатору докладывали, что в указанном посаде имеется самовольно устроенная часовня раскольников – «каменная часовня «акараульная» <...>, устроена деревянная ограда, в ней образов никаких не имеется, одна русская печь и кровать», в ней совершаются обряды, а полиция на это смотрит равнодушно. В докладе содержалось требование: «чтобы раскольники мертвые тела публично не выносили, обрядов своих не совершали», и чтобы самовольно устроенная, вопреки закону, каменная часовня была уничтожена.

По материалам журнала «Псков», № 49, 2018 г.

Окончание следует

Подготовил

Фёдор АЛЕКСЕЕВ

Из личных архивов

Из дневника. Окончание школы. Ленинград. Поступление в техникум. Смерть младшего брата

Продолжение дневника юной опочанки Лидии БЕЛИНСКОЙ. Записи 1929–1930 гг.

6 мая [1929 г.]. Понедельник

Вторую неделю сижу дома. Была больна, теперь поправляюсь. Ужасное безобразие. Заболеть в такое время. Учиться надо, и погода замечательная. Тепло, так что ходят уже в платьях. А я высиживаю дома. Сегодня первый день встала с кровати. Одно время собралась уже на тот свет, да, видно, ещё не пришло время. Во время болезни устроила большую глупость. Лечила меня, как и всегда, Ольга Ниловна (Телепнева, известный опочецкий врач. – *Прим. ред.*). Но вот однажды с ней пришёл Михалевич. Как все теперь говорят, он пришёл со всей душой и т.д. Ну а я сказала, что не хочу, чтобы он меня осматривал. Он ждал в первой комнате, мама здесь чуть не плакала, упрашивая меня не капризничать. Ну уж на меня нашел каприз, то значит всё, ни с места. Прибежала Ольга Ниловна и тоже стала уговаривать, но когда и не следовало, я была непоколебима. Ольга Ниловна притащила всё же Михалевича, ну а я повернулась к ним спиной, и кончено дело. Так ни с чем Михалевич и ушёл. Вероятно, он очень обиделся.

Да, вот я, вот и 16 лет, вот и взрослый человек. Дура – и больше ничего.

Теперь чувствую себя как следует, да тут другая беда. На всем теле высыпала красная сыпь и не изволит проходить. Только из-за неё сижу дома. Ну, теперь придётся усердно догонять класс. Догоню. Всё-таки я на Пасхе в школу не хожу, и на вполне законном основании, а все занимались даже в Воскресенье. В субботу был устроен отвратительный антирелигиозный карнавал. Говорят, что маски были скорее похожи на кривляющихся балаганных паяцев и должного впечатления вовсе не производили. Вообще способы антирелигиозной пропаганды сейчас никуда не годятся. Всё делается насилием. Результаты, мне кажется, получаются совсем обратные.

Да ещё одна моя глупость. В тот же день, что и Михалевич, приходили ко мне Шура (она поправилась) и Вера Х., и я и не приняла только из-за поганой сыпи. Ну не глупа ли я. Сегодня я послала в класс записку и просила их придти, не знаю, придут ли.

Порядочно читала во время болезни, разумеется, когда спадала температура.

Костя (брат Лидии. – *Прим. ред.*) – прелестный мальчуган. Начинает ходить и говорить. Очень забавен.

26 июня

Забросила дневник. Некогда писать, да и как-то лень. Кончила школу. Выпускные балы и пр. отошли в вечность.

Сейчас занимаюсь. Поеду в Ленинград держать экзамен в фармацевтический техникум. Вот если выдержу, да попаду, тогда не буду забывать дневник, а сейчас жизнь идет слишком однообразно. Беру уроки у Скороходова, а остальное время зубрю и зубрю.

Папу чуть не лишили места, но теперь, кажется, одумались. Тем не менее он подал заявления во многие города.

11 августа. Воскресенье

Ровно неделя, как я в Ленинграде, на Среднем проспекте, в доме 76. Никуда не хожу, а по-прежнему зубрю. Завтра первый экзамен по физике. Ничего не боюсь и отношусь вообще ко всему меня ожидающему совершенно безразлично. Не выдержу в техникум – подам заявление на чертёжно-конструкторские курсы. Ужасно соскучилась по дому и по всем моим дорогим. Лёша и Костя Головины, у которых я живу, относятся ко мне хорошо, но всё же не то, что дома. Лёша помогает мне заниматься, но объясняет он очень бестолково и долго, так что я ни шиша не понимаю, а говорю, что понимаю, потому что боюсь, что он опять будет объяснять, а слушая его, я всегда хочу только спать и страшно злюсь на него. Это, конечно, нехорошо, но что же я с собой поделаю. Когда я сама учу, то гораздо лучше понимаю, а отказаться от его объяснений нельзя – обидится.

Что-то «день грядущий мне готовит», провал на экзамене или нет.

30 марта 1930 г.

Не знаю, как и написать всё то, что случилось за это время. За это время мы потеряли наше сокровище – Костю. От него, как и от двух других братишек, остались воспоминания и маленькая могилка на Смоленском кладбище.

Когда я выдержала экзамены и узнала, что я принята в техникум, то не удержалась от желания поехать домой и явилась неожиданно для наших. С какими радостными мыслями я ехала! Дома всё было хорошо.

Костя был ещё весел и полон сил, хорошо ходил и порядочно говорил. Понос, погубивший его, только что начинался, и никто не придавал ему серьёзного значения. Как чудесно он объяснял мне в саду всякие вещи, лепеча своим язычком «Любин люк» и т.д. Он был необычайно ласковым ребенком. Теперь он никого не называл иначе как прибавляя слово «моя»: «Мамуся моя», и так всех. Но понос всё развивался, и он слабел. Доктора (Ольга Ниловна и Михалевич) ничего не могли поделать и не сходились во мнениях относительно его болезни. Скоро Котуня перестал ходить и всё время проводил на руках. Он заметно слабел. Однажды ночью в 11 часов к нам пришёл Михалевич, я уже спала, и прямо сказал нашим, что советует везти Костю в Ленинград. Поезд уходил в 2 часа. Меня разбудили, мы мигом собрались и уехали: папа, мама, я и Костюшка. Мама теряла голову от отчаяния, особенно в вагоне. Костя совсем ослабел и поминутно справлялся. Какая это была тяжелая дорога! На вокзале нас встретил Лёша Головин, предупрежденный о нашем приезде телеграммой из Пскова. Сейчас же к Костику вызвали врача, который нашел его положение серьёзно опасным,

но не безнадежным и обещал устроить Костю в больницу. Какое тяжелое время мы переживали, не стоит и говорить. Утром папа отвез маму с Костей на Выборгскую сторону в клинику Виллие, где им отвели отдельную палатку. Нас с папой пускали туда только по приемным дням. Костя совсем ослабел, ничего не говорил и не мог сам повернуться. Мы переходили от отчаяния к надежде и т.д. Трудно себе представить, чего стоило сдерживать себя, когда бывали в больнице, чтобы не выдать маме своего отчаяния, а наоборот подбадривать её. Вообще это было ужасное время.

К тому же я капельку прихворнула, и в этот день Костя ушёл от нас. Это было 12 сентября – день папиных именин. О нашем горе нечего писать. Мама не хотела жить, и после Костиного <…>, но её, слава Богу, без всякого лечения спасло то, что она эти дни почти ничего не ела.

До дня похорон я не видела Костю. Папа и мама привезли в кладбищенскую церковь маленький глазетовый гробик на извозчике. Худенькое тельце осталось от Кости. На другой день после похорон папа увез маму домой.

13 апреля

И вот я зажила одна в Ленинграде. Ещё во время болезни Котуни меня поселили к Котовичам. Очень хорошие люди. Она урожденная [Павве?], он Виленской губернии, которая теперь принадлежит Польше. Оба очень симпатичные люди. У них трое детей. Старший, Валерьян, учится на геологическом отделении университета на втором курсе. Странный молодой человек. По его поведению совсем нельзя сказать, что он молодой человек. Он всецело погружен в свои науки и ничего, кроме них, не хочет замечать и видеть. Он никогда не ходит ни в театры, ни в кино. Родные уже отчаялись выправить его когда-либо в театр, и это целое событие, когда он куда-либо идет. Но при мне он ещё нигде не был. Такое поведение мне совершенно не понятно. Он страшно ненавидит физкультуру и военное дело. В те дни, когда у него бывает физкультура, он делается необыкновенно сердитым и раздражительным. Во времена хорошего настроения у него оказывается хороший запас юмора. Ещё интересно его отношение ко мне. Собственно, такого отношения не существует. Он еще, кажется, ни разу не обратился ко мне ни с каким вопросом; если ему приходится что-либо мне говорить, то обращается на «вы». В обществе своих товарищей он довольно весел и даже как-то раз играл в жмурки, когда их собралось несколько человек. Когда приходит кто-либо один, то он неизменно тащит шахматную доску. В обществе же взрослых он совсем не умеет себя вести, хотя я это же самое могу сказать и про себя. Недавно на именинах Алексея Никаноровича он остался один с гостями на некоторое время и упорно молчал во всё это время, в то время как Толя (младший) давился от смеха в соседней комнате, созерцая эту картину. Из положения вывела Зина. Этому молчанию, может быть, способствовал сломанный передний зуб. С ним накануне случилось это несчастье, и он по этому поводу обещал мамаше «молчать, как пень». И действительно он, вероятно, напоминал в этот момент пень.

Толя кончает нынче вторую ступень, ему 16 лет. Он совсем в другом роде, чем Валя. Гораздо общительнее и нормальнее, хотя кое в чем старается подражать старшему брату. С ним я довольно часто бываю в кино и в филармонии.

Зина учится на 2-м курсе медицинского института и отличается от двух братьев довольно сильно. Она увлекается физкультурой, довольно жива, играет на рояле. С ней и с Толей я довольно скоро перешла на «ты», и вообще у нас установились нормальные отношения.

Жить здесь мне хорошо. Большим удобством является близость квартиры от техникума, а также то, что есть рояль, и я не забываю музыку. <...>

Когда в Опочке были каникулы, то папа, мама и Любуська приезжали в Л., и мы хорошо провели время. Сначала приехали мама и Любуся. Я встречала их на вокзале. Потом явился и папочка, он нас не предупредил о приезде и явился неожиданно. Все вместе мы были в Александринке на «Горе от ума». Билеты доставал Василий Митрофанович Никифоровский. Потом я с Любой была в Мариинке на «Пиковой даме». Любуська была в восторге. Ей вообще очень понравился Ленинград. Она останавливалась перед каждой витриной, и её трудно было от них отвести. Она побывала в нескольких музеях и вообще осталась очень довольна этой поездкой. Очень жаль, что мы не можем часто позволять себе такую роскошь, как поездка в Ленинград. Они становятся в порядочную копеечку. Всё же мамочка собирается приехать после Пасхи, и я с нетерпением жду этого времени. Очень тяжело было, когда они уезжали. Я не могла провожать их на вокзал, так как должна была идти в техникум.

Потом были каникулы у меня, и я ездила домой. Очень хорошо дома, хотя там и много волнений, которые не ощущаются в Ленинграде. Ходили слухи, что будут национализировать дома, и мы боялись, чтобы не взяли дом тети Нади. Для неё это равносильно потере последних средств к существованию, хотя с квартиры она получает какие-то гроши, но всё же хоть что-нибудь, а не ничего. С этим домом у ней связаны все лучшие воспоминания, и вообще потеря дома была бы для неё большим ударом. Пока об этом ничего не слышно. Вообще в Ленинграде гораздо легче дышится, чем в провинции. Это, конечно, объясняется вечным пересаливанием местных властей. Когда живешь в Л., то совершенно почти не знаешь всех тревог, волнующих провинцию, и здесь появляются совсем другие интересы. Вообще жизнь в большом городе гораздо полнее и многокрасочнее. Одни театры и музеи чего стоят. Я несколько раз была в Мариинке, слышала Мигая, Кузнецову, Преображенскую, Андреева. Была на концерте Рейзена. <…>

[Б]ыла на концерте пианиста Оборина. И, наконец, услышу скоро теперешнее светило Печковского. Говорят, очень хорошо поёт, но впечатление портят бабы-истерички, которые получили специальное название «печковисток». Они неистовствуют, когда он поет. В предыдущий концерт, который я слушала по радио, они свернули микрофоны и не дали дослушать концерт. Билет на его концерт я уже имею.

Недавно слышала Качалова. В доме ученых он читал отрывок из «Воскресения», «Братьев Карамазовых» и др. Я в театре всегда прихожу в совсем особенное настроение. Чувствуешь себя так, как будто попадаешь в какой-то особенный высший мир. Искусство во всех его видах особенно действует на человека и облагораживает его. <...>

Подготовила
Марина ЯКОВЛЕВА

Воспоминания

Чистые воды детства

(автобиографическая новелла, в сокращении; полный текст на сайте Проза.ру)

Родная, родная, родная земля –
Холмы и равнины, леса и поля!
Ты доброй судьбою
на счастье дана,
Одна ты на свете,
и в сердце одна!
Леонид ДЕРБЕНЁВ

Городок моего детства окраинами своими врос в поля и леса. Романтики нам хватало. Если пойти за нашу улицу на окраине – песчаной дорогой через молодой послевоенный лес, то километра через три выйдешь к Рублёвской горе. Её было видно с крыши отцовского дома – она переливалась в голубом мареве далей вся жёлтая, почти золотая. Она была засеяна рожью, и эта «золотая рожь» перекатывалась на ветру волнами так заманчиво, что представлялось, будто ты стоишь на берегу моря.

Рублёвская гора и зимой имела своё неповторимое очарование. С неё был виден растянувшийся вдали город. На её вершине ветер срывал с навьюченных снегами сосен снежинки и тянул бодрые, в духе Калевалы, старинные песни.

По снежному насту к горе было проторено множество лыжных путей. Взрослые и дети – компаниями, семьями – съезжались сюда в выходные, чтобы покататься, повеселиться, отдохнуть на природе. А кто-то назначал здесь кому-то романтические свидания...

Довольно крутые склоны горы были все раскатаны и страшно скользили. Кто-то слетал вниз на саночках, кто-то на куске картона, но большинство съезжали на лыжах. Дамы при этом кричали и весело визжали, потому как непременно падали. Удержаться на ногах любому было непросто. Сколько же лыж нашли здесь погибель! По весне их обломки, разбросанные внизу и на склонах можно было сосчитать. Помню, мы однажды собрали их и развели костёр...

Над горой – зимней, ослепительно сверкающей – празднично синело небо, и было оно здесь таким близким и таким огромным, что казалось: ты плаваешь в нём среди больших перистых и пушистых облаков – то душа твоя парила радостью неземной!

В каком же чудном приподнятом настроении покидали мы любимую нашу заснеженную горочку!.. А снегов в моём детстве было в избытке. Вдоль дорог в те годы не зря стояли большие снегозаградительные щиты, сбитые из серых досок. Как-то в конце зимы, возвращаясь с горы в компании старших ребят, я, шестилетка, провалился с головой в снеговую яму. Кое-как пацаны вытащили меня наверх, но один мой валенок так и остался в снежной глубине – домой я дошёл в одном валенке. И только весной, когда опять мы ходили на гору – за подснежниками – увидел я свой валенок – одиноко лежащий среди поля, весь раскисший...

На излёте советской власти на гору положила глаз местная дорожная «контора». Стал её с одного бока объедать огромнейший экскаватор. Соседняя – Лысая – гора к тому времени была уже сожрана на нет. Настал черёд и Рублёвской...

Никто из любителей зимних радостей не протестовал. Конечно, хорошо было людям кататься с этой горы, проводить здесь выходные... Но чтобы заступиться за этот живописный уголок родины... Такое никому и в голову не приходило. Песчаный карьер расширялся с каждой рабочей неделей, делался всё внушительнее. А гора – как живое забитое существо – умалялась и становилась всё невзрачнее, непригляднее. Будто съёжилась и поблекла.

Настала эпоха «нового мЫшления»... Рядом с горой пролегает всегда гудящая и гремящая трасса – вытянутая на тысячи кэмэ принадлежность мегаполисов в пустых заросших бурьяном полях. Теперь на трассе – знамением нового не «совкового» времени – стояли цепи размалёванных девиц в укороченных юбочках и трепетно голосовали водителям автомашин...

В эти замечательные годы окрестности съедаемой экскаваторами горы стали заваливать всяческим хламом. Кто это делал? Да местные жители, раскрепощённые, лишённые комплексов и пережитков социализма – словом, современные свободные люди. Поток лыжных паломников на гору окончательно иссяк. В карьере как покатаешься? Гору вконец запомоили, превратили в обширнейшую стихийную свалку. Наступил на какое-то время железный век, славное десятилетие автомобильных кладбищ. Болтались теперь по горе и в её загаженных окрестностях местные «сталкеры», намеревающиеся подразжиться цветным и чёрным металлом. Над горой-карьером-свалкой и днём и ночью выползали в небо чёрные драконы ядовитого дыма – «сталкерская» братия выжигала пластмассу, чтобы освободить металл. Что поделаешь, выживали люди, как могли, брошенные в 90-е годы на произвол судьбы своим государством, поменявшим направление политики.

Со свалкой-помойкой у подножья горы рьяно боролся один вездесущий бурьян. Ему помогали кусты. А позже вмешался и человек. Потянулись из города самосвалы с чёрной болотной землёй, под которой и похоронили многолетнее рукотворное позорище.

И с той поры свалка в этом месте приказала долго жить.

Вчера я побывал в знакомых с детства местах... Где ныне та жёлтая песчаная дорога, по которой мы бегали с пацанами к горе? Мы бегали, а взрослые степенно гуляли, дыша ионизированным хвоей целебным лесным воздухом... Вдоль былой дороги, да и поперек неё, валяются останки убитых бензопилами древесных богатырей: хищные вОроны ухватили и унесли в железных когтях могучие их стволы, а головы дерев, руки, ноги их бросили валяться, гнить... Горой из опилок засыпан прежде живописный ручеёк на подходе к горе... Помню, как всякую весну он по-детски радостно журчал, перебегая по цветным камушкам песчаную лесную дорогу.

О, чистые, не замутнённые воды детства! Вас не вернуть уже никогда...

Март 2020 г.

Александр НИВИН

Книги об Опочке

«Опочка в зеркалах легенд»

Книга «Опочка в зеркалах легенд / Предания. Гипотезы. Поверья» (автор ***М.С. ЯКОВЛЕВА***) вышла в свет в 2016 г., в Пскове, в издательстве ПОИПКРО. Как явствует из названия, в ней собраны разного рода легендарные сведения, касающиеся как самого города, так и его района. Источником послужили рассказы местных жителей, летописи, книги и даже рукописи, хранившиеся в личных архивах опочецких краеведов или Опочецком краеведческом музее.

Надо сразу сказать, что небольшой тираж книги «Опочка в зеркалах легенд» (100 экз.) разошелся очень быстро. Многие приобретали книгу как своего рода опочецкий сувенир, тем более что для оформления обложки, хоть и мягкой, но полноцветной, автор использовал фрагмент картины опочецкого художника В.В. Захарова (1949–2014), представляющий былой вид центра Опочки со Спасо-Преображенским собором, взорванным в 1937 г. Можно сказать, что и этот вид – тоже опочецкая легенда.

Уничтожая в 1930-е гг. уникальные опочецкие памятники культуры – Успенскую церковь (была построена в 1894 г. по оригинальному проекту архитектора А. Парланда) и второй по величине в Псковской губернии Спасо-Преображенский собор (постройки 1795 г., архитектор И. Парфёнов), опочецкие коммунисты, видимо, рассчитывали, что в конце концов в Опочке поднимутся новые прекрасные дворцы из алюминия и хрусталя, как в одном из снов Веры Павловны, героини романа «Что делать?», написанного в 1862–1863 гг. русским философом и журналистом Н.Г. Чернышевским, оказавшим влияние даже на В.И. Ленина.

Но – не поднялись. За годы советской власти Опочка была застроена типовыми однообразными серыми коробками «хрущёвок» из кирпича и панелей и абсолютно ничем не отличается теперь от прочих маленьких российских городков.

По типовым проектам построены даже бывший кинотеатр «Маяк» и Опочецкий районный Дом культуры, вход в которые обрамлен монументальными колоннами. Они возведены на излете периода культа личности в стиле «сталинский ампир». Подобных зданий в СССР было построено очень много. Никакими художественными достоинствами они не обладают.

Этой теме – утраченным церквам и легендам, связанным с ними – отведена в книге «Опочка в зеркалах легенд» глава «И ушла церковь в землю». Данный отрывок выложен автором книги на своей странице на сайте Проза.ру и пользуется повышенным вниманием. Главу «И ушла церковь в землю» читают часто.

Большинство легенд, касающихся былых церквей и записанных автором книги, повторяют бродячий сюжет: церковь или часовня уходят в землю во время нападения врагов, иноверцев или язычников, во избежание осквернения ими.

Пространная глава «Опочецкая Швейцария»: мифы и быль городища Коложе» повествует о событиях 600-летней давности, связанных с предшественницей Опочки – крепостью Коложе, разоренной литовским князем Витовтом в 1406 г.

Для рассказа об этой крепости и дальнейшей возможной судьбе плененных коложан автор привлек, в том числе, и материал из редкой книги «Коложская в г. Гродне церковь, с бывым при ней Борисо-Глебским монастырем, в подробном изложении положения ея прежнего и за последнее время, с фототипическим изображением иконы Богородицы и 5 видов церкви», написанной Н.А. Соколовым (епископом Иосифом). Книга была издана в Воронеже в 1899 г. Её экземпляр хранится в Российской государственной библиотеке в Москве.

Использовались при работе и другие редкие материалы.

Под сокращенным заголовком «Мифы и быль городища Коложе» упомянутая глава опубликована на сайте Проза.ру и также пользуется повышенным вниманием читателей.

Достаточно часто просматриваются в Интернете и такие главы из книги «Опочка в зеркалах легенд», как «Лаз к воде или настоящий подземный ход?», «Камень опока и недуг Екатерины Великой», «Белая птица Ченстоховской Божией Матери» (об опочецких чудотворных иконах), «Каменные кресты и кости великанов».

Автор собрал и представил в книге и сюжеты о реальных и мифических кладах, обнаруженных в разное время на территории Опочецкого района. Этой теме посвящена глава «Клад на дне родника». В Интернет данный текст не выкладывался.

Насколько можно судить по списку прочтений на сайте Проза.ру, внимание читателей привлекают и другие публикации из книги «Опочка в зеркалах легенд», в том числе – «Умствования о гидронимах», «Свеча человеческая?», «Затворник из Боярщина».

Тем же, кто захочет найти книгу «Опочка в зеркалах легенд» в бумажном варианте, имеет смысл обратиться в Опочецкую районную библиотеку им. А.С. Пушкина или Опочецкий краеведческий музей, в фондах которых это издание представлено.

Марина ЯКОВЛЕВА

Природа родной земли

Аномально окрашенные утки-кряквы Гончарных прудов

Гончарные пруды, возле Покровского кладбища, в Опочке знают все. Мимо них каждый день проходят жители микрорайона улицы Автозаводской, работающие в центре города или намеревающиеся сделать покупки в расположенных там магазинах.

Осенью 2018 г. я заметила в одном из выводков уток-крякв, плававших на Гончарном пруду возле ведущей на Автозаводскую дорожки, необычно окрашенную молодую особь – очень светлого охристого цвета.

Причем все прочие птицы из этой семьи имели самую обычную окраску.

Позднее эта же кряква была замечена мной на Великой – в начале марта 2019 г., возле городского стадиона, в феврале и декабре 2020 г., в районе нового синего пешеходного мостика, в самом начале ул. Ленина.

Осенью 2020 г. Гончарные пруды преподнесли новый сюрприз: среди обычно расцвеченных уток-крякв там появился селезень аномальной окраски: белая грудь с черными пестринами, каштановый окрас нижней части туловища, как бы «размазанная» по верхней части спины зеленая окраска головы.

Я обратилась за консультацией к себежскому орнитологу ***Сергею Анатольевичу ФЕТИСОВУ***. Он сообщил мне, что для диких уток-крякв (***Anas platyrhynchos)*** подобные аномалии редкостью не являются. Они достаточно часто фиксируются наблюдателями. Причиной же, возможно, является пища, которую едят утки.

Закономерно возникает вопрос: что же такое странное едят опочецкие кряквы на Гончарных прудах?..

НА СНИМКАХ: Аномально и типично (селезень и утка внизу справа) окрашенные кряквы

Трюфели – не трюфели. Нечеловеческий деликатес

В июне 2009 г., копаясь в корнях старой ели в лесу в районе Песчивки, я, к своему удивлению, обнаружила в почве какие-то непонятные твердые шарики, в которых заподозрила благородные грибы трюфели. Вскоре, однако, выяснилось, что предположения мои оказались ошибочными.

Моей находкой был олений трюфель ***(Elaphomyces granulates)***. Подземными плодовыми телами напоминает настоящие трюфели, но к ним не принадлежит и съедобным для человека не является.

Плодовые тела размером 1–4 см находятся в земле на глубине 2–8, иногда и до 15 см, в гумусовом слое или под ним. Гриб предпочитает кисло-песчаные или подзолистые почвы. Имеет желто-коричневый цвет снаружи. При созревании сочная светлая масса внутри, рассеченная перегородками, превращается в сухую рыхлую темно-коричневую, напоминающую внутренность спелых грибов-дождевиков.

Олений трюфель охотно поедается оленями, зайцами, белками, кабанами и различными беспозвоночными, хотя его пищевая ценность, как считается, невелика. Зайцы и белки находят его по запаху даже под снегом.

Марина ЯКОВЛЕВА

Редактор М.С. Яковлева